

Шустрова Е.В.

Екатеринбург, Россия

ДИСКУРС БАРАКА ОБАМЫ:
ПРИЕМЫ И ОБРАЗЫ

УДК 81'27:811.111

ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье описаны основные приемы и образы, которые присущи дискурсу публичных обращений Б. Обамы. Мы считаем, что эти приемы и образы обусловлены влиянием приемов, присущих практике проведения афроамериканских религиозных служб и наблюдаемых в других разновидностях афроамериканского дискурса, в частности политического и художественного.

Ключевые слова: политический дискурс, (риторический) прием, метафора, образ.

Сведения об авторе: Шустрова Елизавета Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, к. 459.

E-mail: shustrovaev@mail.ru.

Shustrova E.V.

Ekaterinburg, Russia

BARACK OBAMA'S DISCOURSE:
DEVICES AND IMAGES

ГЧНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.20

Abstract. The paper investigates basic devices and images that are found in Barack Obama's public speech discourse. We have grounds to believe that these devices and images appear as a result of influence caused by African American preaching practices and by other types of African American discourse (political, belles-lettres, etc.).

Key words: political discourse, (rhetorical) device, metaphor, image.

About the author: Shustrova Elizaveta Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the English Language.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Отправной точкой нашего обзора стала статья Ф. Феррари. Напомним, что эта статья посвящена анализу речей Дж. Буша, мл. с точки зрения построения стратегии убеждения. Так, Ф. Феррари последовательно показывает, что в основу дискурса Дж. Буша ложится фрейм конфликта. Для того чтобы выстроить этот фрейм, Дж. Буш вводит ряд оппозиций, которые действуют на подсознательном уровне. Эти оппозиции сводятся к следующим: Добро – Зло, линия страха – линия веры, внешнее пространство как территория Зла и страха – внутреннее пространство как территория Добра и веры, позиция героя – позиция злодея, позиция героя – позиция жертвы, мужчина – женщина [Подробнее см. Феррари 2010]. Присутствие этих взаимосвязанных и четко оформленных оппозиций позволяет Ф. Феррари выделить в дискурсе Дж. Буша т.н. «манихейский фрейм», который вместе с фреймом конфликта формирует стратегию убеждения. Манихейство (или учение Мани) – это религиозное учение, основанное на оппозициях: Свет – Тьма, Добро – Зло и т.д. [подр. см.: Феррари 2010: 52-53; Википедия: <http://ru.wikipedia.org/wiki>] Другая опорная точка Дж. Буша – это введение нарративных структур, напоминающих вестерн, где также необходимо присутствие уже указанных оппозиций. «С довольно большой долей вероятности можно предположить, что нарративная структура, пронизывающая весь дискурс Дж. Буша, в значительной степени обусловлена господством мужского англо-саксонского образа, что так присуще жанру вестерна. Вместе с тем, возникает и женский образ, призванный занять позицию жертвы и должное место в оппозиции мужскому образу» [Феррари 2010: 45] Ф. Феррари совершенно справедливо гово-

рит о том, что в образе героя часто выступает сам президент. «Позиция, занимаемая американским президентом во время его выступлений, характеризуется двойственностью или амбивалентностью, согласно чему, американский президент предстает и как типичный американский гражданин, и как человек иного сорта. Данное обстоятельство отражает двойственность позиции героя, которую могут занять и американские граждане, и президент как спаситель своей страны. Подобная амбивалентность поистине ставит президента в позицию героя – того, от которого зависит спасение '(райского) сада' – страны, но чье пребывание на этой территории носит временный, ограниченный характер: этот самый герой однажды уйдет и, в конце концов, исчезнет. Именно такая парадоксальная амбивалентность, существование между внутренней и внешней позициями, соотносит такого героя со Спасителем. Подобное представление в некотором роде имеет отношение к Манихейскому учению, в котором Мани выступает как 'ипостась' священной воли» [Там же: 52].

В свою очередь нас заинтересовало то, как выстраивает свою стратегию убеждения действующий американский президент, изменилось ли что-нибудь в применяемых тактиках и конкретных приемах, в частности метафорах. С этой целью мы провели небольшое исследование. В основу материала исследования были положены публичные обращения Барака Обамы (всего немногим более 100). Около трети этих обращений относятся к допрезидентскому периоду (начиная с 2002 г.). Остальные были написаны и озвучены уже после вступления Б. Обамы в должность президента США. Среди них есть и совсем недавние выступления, да-

тируемые апрелем 2010 г. [www.obamaspeech.com; www.americanrhetoric.com].

Если вернуться к фрейму конфликта, который пронизывал весь дискурс Дж. Буша, то можно с уверенностью сказать, что Барак Обама отказывается от этой модели. Образ США как борца с внешней угрозой и героя не обладает большой частотностью и в допрезидентский период, и после вступления Б. Обамы в должность президента. Место борьбы с внешним врагом в дискурсе Б. Обамы занимает борьба за выживание **внутри** страны. Это борьба со «слабостью экономической и политической системы США», с «ежедневно подступающими сомнениями», с «настоящим положением дел», с «политическими интригами в Конгрессе и Сенате, 'партизанщиной' политиков», с «уходом ответственности», с «разрушением системы», с «зависимостью от поставок нефти», с «изменениями климата» как одного из результатов отсутствия модернизации системы производства США, с ухудшением дел в системе здравоохранения и образования.

Now, I also know that part of the reason is, is that this process was so long and so drawn out – this is just what happens in Congress. I mean, it's just an ugly process. You're running headlong into special interests, and armies of lobbyists, and partisan politics that's aimed at exploiting fears instead of getting things done. And then you've got ads that are scaring the bejesus out of everybody. And the longer it take, the uglier it looks.

Так вот, я так же знаю, что частично причина этого в том, что этот процесс [принятия законопроекта] отнимает слишком много времени, он очень затянут – это именно то, что происходит в Конгрессе. Я хочу сказать, что это просто отвратительно. Вы немедленно сталкиваетесь с групповыми интересами, армиями лоббистов, партизанской политикой, которая вместо того, чтобы предложить действенные меры, нацелена на раздувание страхов. Все это сопровождается шумихой в СМИ, которая пугает всех до колик. И чем дольше это продолжается, тем все отвратительнее это выглядит.

We've seen the consequences of this failure of responsibility. The American people have paid a heavy price. And the question we'll have to answer now is if we're going to learn from our past, or if – even in the aftermath of disaster – we're going to repeat those same mistakes. As the alarm bells fade, the din of Washington rises, as the forces of the status quo marshal their resources, we can be sure that answering this question will be a fight to the finish. But I have every hope and expectation that we can rise to this moment, that we can transcend the failures of the past, that we can once again take responsibility for our future.

Мы уже пожинаем плоды утраты чувства ответственности. Американцы дорого за это заплатили. Вопрос, на который нам сейчас предстоит ответить, звучит так: готовы ли мы учиться на своих прошлых ошибках или, даже все еще слыша отзвуки трагедии [экономического спада], мы повторим те же самые ошибки. Как только утихнут

отзвуки тревоги, поднимется гам Вашингтона. И когда силы существующего положения дел [в нашей политике] построят свои войска, мы можем с уверенностью сказать, что ответом на этот вопрос станет битва до конца. Но у меня есть основания надеяться и ждать, что мы ответим на вызов, мы сможем переступить черту, очерченную прошлыми поражениями, мы снова сможем нести ответственность за свое будущее.

Это борьба за возможность остаться 'на плаву', за сохранение работы и заработка, за получение страховки, за сохранение возможности учиться. При этом образ гордого героя сменяется образом избитого, измотанного бойца, неуверенного в будущем. Даже если этот боец одержал победу и сумел выправить тяжелое экономическое положение, впереди у него немало тяжелых дней.

Bruised, battered, many people are legitimately feeling doubt, even despair, about the future. Like those who came to this church on that Thursday in 1956, folks are wondering, where do we go from here?

Все в синяках и ссадинах [в результате кризиса], многие имеют все основания сомневаться в своем будущем, даже совсем потерять надежду. Как и те, кто пришел в эту церковь в тот четверг 1956 г., люди думают, и куда же мы теперь пойдём.

Будучи сенатором, Б. Обама мог позволить себе следующее заявление, линии которого так напоминают фрейм конфликта:

This is the moment when we must defeat terror and dry up the well of extremism that supports it. This threat is real and we cannot shrink from our responsibility to combat it. If we could create NATO to face down the Soviet Union, we can join in a new and global partnership to dismantle the networks that have struck in Madrid and Amman; in London and Bali; in Washington and New York. If we could win a battle of ideas against the communists, we can stand with the vast majority of Muslims who reject the extremism that leads to hate instead of hope.

Это тот момент, когда мы должны победить страх и осушить колодец экстремизма, который питает этот страх. Это реальная угроза, и мы не можем уйти от нашей ответственности, нашего долга принять этот вызов. Если мы смогли создать НАТО, чтобы противостоять Советскому Союзу, то мы сможем создать новые общемировые партнерские связи, чтобы разрушить те сети, которые привели к насилию в Мадриде и Аммане, в Лондоне и на Бали, в Вашингтоне и Нью-Йорке. Если мы смогли победить в идеологической войне против коммунистов, мы сможем встать плечо к плечу с большинством мусульман, которые отвергают экстремизм – движение, которое приносит ненависть вместо надежды.

Обама-президент говорит уже совсем иное:

Instead, we have lost thousands of American lives, spent nearly a trillion dollars, alienated allies and neglected emerging threats – all in the cause of fighting a war for well over five years in a country that had absolutely nothing to do with the 9/11 attacks.

Вместо этого мы потеряли тысячи жизней американцев, потратили почти триллион долларов, отделились от союзников и забыли о новых угрозах – все во имя ведения войны на протяжении более пяти лет в стране, которая не имела никакого отношения к атакам 11 сентября.

So as a result, America will have to show our strength in the way that we end wars and prevent conflict – not just how we wage wars.

В конце концов, американцам придется показать свою силу в том, как мы заканчиваем войну и предотвращаем конфликты, а не только в том, как мы ведем войны.

Тем не менее повторим, что первая линия, линия конфликта с внешним врагом очень редко встречалась в дискурсе Обамы-сенатора и она не играет ведущей роли в дискурсе Обамы-президента. Одновременно с отказом от этой линии происходит отказ и от оппозиции, столь характерной для дискурса Дж. Буша: «Мы как внутреннее пространство ДОБРА, к которому должны примкнуть все остальные страны – ОНИ как внешнее пространство ЗЛА, отсутствия демократии, от которого нужно отойти и с которым нужно бороться». Б. Обама видит США как пространство, готовое открыть свои границы, слиться с остальным миром (конечно, не в плане реальных территориальных границ, а в плане понимания друг друга, идеологических границ). Для Б. Обамы позиция «к нам должны примкнуть» заменяется на позицию «мы должны примкнуть», «мы – часть планеты Земля». И это первая точка, которая роднит речи Б. Обамы с афроамериканской публицистикой и проповедями. Дело в том, что именно эта линия активно проводилась и проводится в афроамериканском публицистическом, художественном и религиозном дискурсе. «Мы (афроамериканская диаспора) – часть США», мы должны выйти за рамки, которые нам навязывает государство, в котором мы живем. Мы должны быть признаны остальными американцами и разделить с ними права и обязанности. Как бы трудно ни складывались отношения с «белой» Америкой, сколько бы угроз она ни несла, задачей диаспоры был выход за установленные границы и освоение нового пространства. И это второе расхождение с позицией Дж. Буша.

А что же сам президент? Остается ли он героем? Традиционным успешным героем – однозначно нет. Как говорит он сам: *Now, these are some of the fights we've already had, and I can promise you there will be more fights ahead. I'm not going to win every round. – Ну, эти битвы уже позади, и все, что я могу пообещать, – это только новые битвы. И я не смогу побеждать в каждом раунде.*

А с кем же он так ожесточенно борется? С внутренними врагами, которых мы уже назвали.

So long as I have some breath in me, so long as I have the privilege of serving as your President, I will not stop fighting for you. I will take my lumps, but I won't stop fighting to bring back jobs here. I won't stop

fighting for an economy where hard work is rewarded. I won't stop fighting to make sure there's accountability in our financial system. I'm not going to stop fighting until we have jobs for everybody. So long as I'm President, I'll never stop fighting for policies that will help restore home values, to redeem the investment that folks have made. We've seen some of those values return in some places, in some pockets, but it's still tough out there. We're going to have to do more this year to make sure that banks are responsive to folks who are working hard, have been paying their mortgage, but have found themselves in a tough situation. I'm not going to stop fighting to give our kids the best education possible to take the tens of billions of dollars we pay banks to act as middlemen on student loans and invest that money in students who actually need it. We don't need the middlemen – cut them out. I won't stop fighting to give every American a fair shake. That's why the very first bill I signed into law was the Lilly Ledbetter Act to uphold the principle of equal pay for equal work for men and women alike, especially when families need two paychecks to survive. So long as I'm President, I won't stop fighting to protect you from the kinds of deceptive practices we've seen from some in the financial sector. I won't stop fighting to open up government. Now, this is hard to do because we don't control every branch. But I can tell you we have put in place the toughest ethics laws and toughest transparency rules of any administration in history. In history. And so long as I'm President, I won't stop fighting to cut waste and abuse in Washington – to eliminate what we don't need, to pay for what we do; to rein in exploding deficits that we've been accumulating not just last year but for the last 10. And I'm going to keep on fighting for real, meaningful health insurance reform.

До тех пор, пока я дышу, до тех пор, пока мне оказана честь быть вашим президентом, я не перестану сражаться за вас. Я снесу всю критику, но я не перестану биться за то, чтобы в Америке вновь появились рабочие места. Я не перестану биться за такую экономику, где вознагражден тяжелый труд. Я не перестану биться за уверенность в том, что наша экономическая система прозрачна и подотчетна. Я не собираюсь прекращать эту битву, пока у нас не будет обеспечен работой каждый. До тех пор, пока я президент, я не перестану биться за такую систему, которая поможет поднять на прежний уровень стоимость жилищного фонда, чтобы не дать пропасть инвестициям наших граждан. Мы видим, что кое-где цена уже поднялась, затраты возмещены, но ситуация все еще напряженная. В этом году мы сделаем больше, чтобы быть уверенными, что банки несут ответственность перед теми, кто тяжело трудится, кто оплачивает ипотеку, но оказался в трудном положении. Я не перестану биться за то, чтобы наши дети получали самое лучшее образование. Для этого мне понадобится забрать у банков десятки миллиардов долларов, которые они получают за услуги посредников в сфере кредитования на учебные цели, и вложить эти деньги в тех учащихся, которые действительно в этом нуждаются. Нам не нужны посредники. Это звено нужно убрать. Я не пере-

стану биться за то, чтобы у каждого американца был шанс на успех. Поэтому первый же законопроект, который я одобрил, был законопроект, гарантирующий принцип равной оплаты за равный труд для мужчин и для женщин. Это особенно важно, когда семье нужны две зарплаты, чтобы выжить. До тех пор, пока я президент, я не перестану биться, чтобы защитить вас от того обмана, который практикуется некоторыми из наших ведущих финансистов. Я не перестану биться за то, чтобы правительство стало открытым. Знаете, это трудно сделать, потому что я и мой кабинет не контролируем каждую структуру власти. Но я могу вам сказать, что мы ввели самые жесткие законы этики и самые жесткие правила прозрачности, которые когда-либо существовали в американской администрации за всю ее историю. За всю ее историю. До тех пор, пока я президент, я не перестану биться за то, чтобы сократить ненужные расходы и положить конец злоупотреблениям Вашингтона, чтобы убрать то, что нам не нужно, заплатить за то, что мы делаем, наложить узду на огромный дефицит бюджета. Этот дефицит копился не только последний год, а десять последних лет. И я собираюсь биться за такую реформу здравоохранения, которая действительно что-то значит.

Поскольку фрейм конфликта с внешним врагом уходит на второй план, то размывается и линия оппозиции «мужчина (как защитник страны от внешнего врага) – женщина (в роли которой выступает страна (США), национальная безопасность, принципы, национальная идентичность)». А что же приходит взамен? Какая линия становится ключевой для Б. Обамы? На основании полученных данных можно с уверенностью сказать, что это образ путника. Страна «идет к неизвестному будущему», «находится на пороге нового трудного пути, путешествия», «должна соблюдать правила движения», «встанет на путь финансовой ответственности», «сделает шаги» в определенных направлениях, «пойдет вперед», «отойдет от устоявшихся практик», предпримет ряд мер для улучшения внешней торговли, которая не должна быть «улицей с односторонним движением», «сталкивается на своем пути (букв. дороге) с огромными проблемами в системе здравоохранения», «продвигается по пути [реформ]» и т.д.

I know it's been a hard road we've traveled this year to rescue the economy, but the economy is growing again. The job losses have finally slowed, and around the country, there's signs that businesses and families are beginning to rebound. We are making progress. ... I know it's been a hard road that we've traveled to reach this point on health reform. I promise you I know.

Я знаю, чтобы спасти нашу экономику, мы шли в этом году трудным путем, но у нас снова наблюдается экономический рост. Безработица, наконец, пошла на спад, и по всей стране есть признаки того, что бизнес и семьи постепенно восстанавливают финансовые потери.... Я знаю, мы шли трудным путем, чтобы получить то, что мы имеем сегодня

в области реформы здравоохранения. Я клянусь вам, я знаю.

Сам президент – это тоже путник и человек, облегчающий тяготы пути, не боящийся их преодолеть.

Now, here's the message I want you to take away. I want to make this absolutely clear. I did not run for President to turn away from these challenges. I didn't run to kick these challenges down the road. I ran for President to confront them – once and for all.

Знаете, я хочу, чтобы вы не сомневались в одном. Я хочу, чтобы это было совершенно понятно. Я участвовал в выборах на пост президента не для того, чтобы отвернуться от этих вызовов [экономического спада]. Я участвовал в выборах не для того, чтобы пнуть эти вызовы – пусть себе катятся по дороге. Я участвовал в выборах для того, чтобы устранить эти вызовы – раз и навсегда.

Откуда же приходит этот образ? Что за ним стоит? На наш взгляд, это вновь следствие влияния практики религиозных служб в афроамериканской общине, политических речей афроамериканских лидеров, многие из которых были и остаются блестящими проповедниками, всей афроамериканской речевой культуры, во многом основанной на библейских параллелях. Кстати, сам Б. Обама этого и не скрывает. Он не только напрямую обращается к речам афроамериканских проповедников, в частности М.Л. Кинга, мл., но и трансформирует эти мотивы и выстраивает на них свою образную линию.

But let me tell you – during those times it's faith that keeps me calm. It's faith that gives me peace. The same faith that leads a single mother to work two jobs to put a roof over her head when she has doubts. The same faith that keeps an unemployed father to keep on submitting job applications even after he's been rejected a hundred times. The same faith that says to a teacher even if the first nine children she's teaching she can't reach, that that 10th one she's going to be able to reach. The same faith that breaks the silence of an earthquake's wake with the sound of prayers and hymns sung by a Haitian community. A faith in things not seen, in better days ahead, in Him who holds the future in the hollow of His hand. A faith that lets us mount up on wings like eagles; lets us run and not be weary; lets us walk and not faint.

Но позвольте вам сказать, все это время именно вера позволяла мне сохранять спокойствие. Именно вера приносит мне покой. Та самая вера, что заставляет мать-одиночку во времена сомнений работать на двух работах, чтобы не потерять крышу над головой. Та самая вера, что заставляет безработного отца семейства вновь и вновь посыпать свои заявления о приеме на работу даже после того, как он сотню раз получил отказ. Та самая вера, что говорит учителю: «Пусть тебя не понимают девять из десяти твоих учеников. Тебя поймет десятый». Та самая вера, что нарушает тишину перед началом землетрясения, наполняет ее звуком молитв и [религиозных] гимнов, которые поют жители Гаити. Вера в то, что нельзя увидеть, в то, что впереди лучшие дни, в Того, кто

держит будущее в своей ладони. Вера, которая дает нам силы подняться на крыльях подобно орлам, дает нам силы бежать и не уставать, дает нам силы идти и не испытывать слабости.

Можно легко провести параллель с метафорой М.Л. Кинга, мл.: *...we can walk and never get weary, because we know there is a great camp meeting in the promised land of freedom and justice. ...мы можем идти и никогда не устать, потому что мы знаем, что в Земле Обетованной Свободы и Справедливости уже собрались [путьники].*

Эти же образные линии высокочастотны и в афроамериканских религиозных гимнах (spirituals), и в афроамериканской художественной литературе. Таким образом, мы снова находим параллели, намеченные, в частности, в работах Э. Каплан [Kaplan 1990] и Ф. Феррари [2010]. Эти параллели свидетельствуют о сходстве политического и литературного дискурсов в плане выбираемых образов. Отличие в том, что Б. Обама отходит от жанра венстерна и литературы конца XIX века и заменяет их Библией и линиями афроамериканской художественной литературы и фольклора. Что касается влияния литературы, то нужно вспомнить, сколько одаренных афроамериканских общественных деятелей одновременно создавало и художественные произведения. В их числе Ф. Дугласс, У.Э.Б. Дюбуа, Р. Райт, Р. Эллисон, М.Л. Кинг, Л. Хансберри, Э. Уоркер и многие другие. Афроамериканский художественный дискурс, особенно XX в., неотделим от политики, создается под влиянием политического климата. Библия же и религия – неотделимые части воспитания как всей афроамериканской общины, так и непосредственно самого Б. Обамы. Чтобы это не казалось преувеличением, приведем цитату из книги Б. Обамы «Мечты, унаследованные от отца» («Dreams from My Father: A Story of Race and Inheritance»):

People began to shout, to rise from their seats and clap and cry out, a forceful wind carrying the reverend's voice up to the rafters. And in that single note – hope – I heard something else; at the foot of that cross, inside the thousands of churches across the city, I imagined the stories of ordinary black people merging with the stories of David and Goliath, Moses and Pharaoh, the Christians in the lion's den, Ezekiel's field of dry bones. Those stories of survival and freedom and hope became our stories, my story. The blood that spilled was our blood; the tears our tears; until this black church, on this bright day, seemed once more a vessel carrying the story of a people into future generations and into a larger world. Our trials and triumphs became at once unique and universal, black and more than black. In chronicling our journey, the stories and songs gave us a meaning to reclaim memories that we didn't need to feel shame about – memories that all people might study and cherish and with which we could start to rebuild. That has been my experience at Trinity. Like other predominantly black churches across the country, Trinity embodies the black community in its entirety – the doctor and the welfare mom, the model student and the former

gang-banger. Like other black churches, Trinity's services are full of raucous laughter and sometimes bawdy humor. They are full of dancing and clapping and screaming and shouting that may seem jarring to the untrained ear. The church contains in full the kindness and cruelty, the fierce intelligence and the shocking ignorance, the struggles and successes, the love and, yes, the bitterness and biases that make up the black experience in America.

Люди начали кричать, вставать со своих мест, хлопать в ладоши и громко молиться. Голос пастора был подобен ветру, полному сил, так он доносился до тех, кто был на плоту своей молитвы. И в этом едином порыве, в надежде, я услышал что-то еще. Там, у основания креста, в тысячах городских церквей я представил себе, как истории простых «черных» людей переплетаются с притчами о Давиде и Голиафе, Моисее и Фараоне, о христианах в логове льва, о пророке Иезекииэле и поле сухих костей. Эти истории о спасении, свободе и надежде стали нашими историями, моей историей. Пролитая кровь была нашей кровью, пролитые слезы – нашими слезами, пока этот «черный» приход в этот светлый день не превратился снова в корабль, несущий историю народа другим поколениям и миру. Наши испытания и победы внезапно стали индивидуальными и всеобщими, присущими неграм и гораздо более широкому кругу. В летописи нашего путешествия предания и песни давали нам сакральный смысл, который позволял нам вернуться к нашим воспоминаниям. Воспоминаниям, которых не нужно было стыдиться, воспоминаниям, которые каждый мог изучить, которыми можно дорожить и благодаря которым мы могли начать новую жизнь. Это было то, что я испытал в Церкви Троицы. Как и любая другая церковь, где подавляющее большинство прихожан принадлежит к афроамериканской диаспоре, Церковь Троицы воплощает афроамериканское сообщество во всей его полноте. Здесь рядом молятся [преуспевающий] врач и мать, живущая на пособие, примерный студент и бывший насильник. Как и в других афроамериканских приходах, службы в Церкви Троицы полны пронзительного смеха и иногда непристойных шуток. Они наполнены танцем и прихлопами, визгом и криком. Всем тем, что может резать неподготовленный слух. Церковь в полной мере содержит добро и жестокость, острый ум и ужасающее невежество, борьбу и успех, любовь и, да, конечно, горечь и предубеждение – эти неотъемлемые составляющие жизненного опыта негра в Америке.

Кстати, здесь мы встречаемся еще с одним приемом, широко распространенным в афроамериканской художественной литературе. Это т.н. «нанизывание». Это первое, что поражает при чтении афроамериканской литературы – связанность различных образов, относительная жесткость системы концептов и обязательное присутствие двух четко обозначенных полюсов Бога и человека, которые в конце произведения обязательно должны слиться в единое целое. Мы считаем возможным отнести эту взаимозависимость различных концептов, их слияние в

единое целое как в микро-, так и в макроконтексте к «черным» специфичным элементам, унаследованным из африканских легенд. Если обратиться к афроамериканскому художественному дискурсу второй половины XX в., то мы без труда обнаружим сходные черты, ту же способность взаимозависимости концептов, которая остается неиспользованной в полной мере в «белом» тексте. Это отчасти может объяснить, почему в романах Э. Уоркер, Г. Нейлор, Т. Моррисон, Т. МакМиллан отчетливо слышны интонации Дж. Болдуина, Р. Эллисона, Р. Райта... В европейском и «белом» американском дискурсе, как правило, автор делает упор на развитие ограниченного числа концептов, которые могут не встретиться в другом художественном произведении. Так, присутствие фито- и зооморфизмов не предполагает параллельного прочтения концепта камня, воды, ветра, покрова или концепта звука. В афроамериканском художественном дискурсе сохраняется эта целостность, присутствие всех ее элементов в дискурсах разных авторов, что создает впечатление стройного единства [подробнее см. Шустрова 2007]. Похожий прием находим и в том фрагменте, который приведен выше. Здесь мы без труда увидим целую цепь: Бог, ветер, животное, части тела, тьма и свет, странство, путь, вода, корабль, голос и т.д. У нас есть два четко обозначенных полюса «Бог» и «человек», которые становятся единым гармоничным целым благодаря молитве и обращению, реализованному через голос и путь.

Что касается мужского англо-саксонского образа, то Б. Обама не может к нему прибегать по вполне понятным причинам. Эта линия тоже должна уйти. И она уходит, сменяется линией путника, столь характерной для афроамериканской культуры. Поясним, мы вовсе не хотим сказать, что эта образная линия отсутствует у других народов, в других национальных дискурсах. Просто у Б. Обамы она в большей мере обусловлена не влиянием других этнических стереотипов, а влиянием афроамериканской культуры, которая, конечно, возникает на стыке «черного» и «белого» начал.

А как же модель «герой – героиня», «мужчина – женщина»? Что происходит с ней? Эта простая биполярная «брачная» модель, присущая и вестерну, и политическим речам Дж. Буша, заменяется моделью общины, одной большой семьи у Б. Обамы. Говоря об образовании, Б. Обама вспоминает дочек и сестру-учителя, себя самого в юные годы, говоря о здравоохранении, рассказывает о маме, бабушках и дедушке, говоря о социальных и финансовых проблемах, обращается к историям простых американцев. Он постоянно пытается сказать: «я – один из вас, член вашей семьи». Так уходит и мотив двойственности образа американского президента (см. выше). Он больше «не один из нас и одновременно кто-то лучше нас», он больше не герой, рискующий своей жизнью

во имя борьбы с внешним злом. Героическая линия тоже присутствует в образе борца с внутренними бедами, но она вторична и часто напоминает спортивную метафорическую модель. В первую очередь, американский президент – путник и семьянин, сосед и друг, член общины. Эта же образная линия, метафора семьи проявляется и благодаря введению образа «семейного бюджета», упоминаний необходимости экономить так, как это делают в большинстве семей.

At this point, we know that the budget surpluses of the '90s occurred in part because of the pay-as-you-go law, which said that, well, you should pay as you go and live within our means, just like families do every day.

Сейчас мы знаем, что профицит бюджета в 90-е появился, в частности, благодаря закону «плати по счетам в срок», который гласит, ну, мы должны сразу оплачивать наши текущие расходы и жить по средствам, т.е. так, как это делают в большинстве семей.

It is that promise that's always set this country apart – that through hard work and sacrifice each of us can pursue our individual dreams but still come together as one American family, to ensure that the next generation can pursue their dreams as well.

Следование именно этому завету всегда отличало нашу страну. Завету о том, что благодаря тяжелому труду и жертвенности каждый из нас может воплотить свою личную мечту, но [благодаря тяжелому труду и жертвенности] мы по-прежнему остаемся единой американской семьей во имя того, чтобы следующее поколение тоже могло воплотить свою мечту.

Кстати, в последнем контексте идет отсылка не только к «американской мечте», но и к знаменитой, культовой речи М. Л. Кинга «У меня есть мечта» («I Have a Dream») и тем знаковым событиям и текстам, которые она вызвала. Почему же уходит этот образ героя, который был присущ и дискурсу Дж. Буша, мл., и романам в стиле вестерн. Причины вновь нужно искать во влиянии тех ценностей, которые важны для афроамериканской диаспоры, а именно в совершенно разном понимании роли героя американцем европейского, в частности англосаксонского, происхождения и афроамериканцем. С точки зрения афроамериканской диаспоры (и исследования историков и социологов служат тому веским доказательством; см., например, Aptheker 1943; Blassingame 1973, 1979; Genovese 1974; Gutman 1976; Nash, Shelton 1987; Rawick (ed) 1972–1979 и др.) герой – это не тот, кто готов идти напролом, не тот, кто выступает в роли благородного спасителя прекрасной дамы, а тот, кто может образумить общину, предостеречь, уберечь от необдуманных агрессивных поступков, повести за собой общими путями, чтобы остаться в живых. Это не значит, что в жизни афроамериканской диаспоры нет страниц радикализма. Они есть и были, достаточно вспомнить такие движения и организации, как «Черные пантеры», «Черное

искусство» и др. Но это не ведущая линия. Возгласы «Африка зовет!» и «Все на баррикады!» не выдержали испытания временем. Это были очень узкие течения, временные настроения, против которых так стремились предостеречь те, кому действительно было суждено сыграть в жизни афроамериканской диаспоры ключевую роль. Так, Дж. Болдуин, сам крайне страдавший от проявлений расовой нетерпимости, открыто спорит с Р. Райтом, другим афроамериканским писателем и политическим деятелем, призывавшим к активным выступлениям. Название эссе Дж. Болдуина прекрасно передает те причины, по которым появления героя в открытой активной позиции несовместимо с реалиями жизни афроамериканской диаспоры. Эссе называется «The Fire Next Time» – «В следующий раз – расстрел». И именно так оно бы и случилось – с «черными» демонстрантами никто не церемонился так же, как никто не церемонился с рабами, склонными к подстрекательствам и бунтарству. Кроме этого, нужно вспомнить и о том, что агрессивные заявления и грубые речи, так отличающие рэп и некоторые другие виды афроамериканского речевого поведения, вовсе не означают, что эти угрозы будут приведены в действие. Это просто способ активной психологической самореабилитации.

Другой момент, который нам нужно вспомнить, это то, что у афроамериканцев чертами откровенного бунтаря наделяется такой персонаж, как трикстер, или обманщик, хитрец, пришедший в афроамериканский дискурс из легенд Африки. Присутствует он и в индейском фольклоре. Прекрасный анализ этого персонажа представлен в статье Р. Абрахамса [Abrahams 1980]. Облик этого персонажа изначально носит зооморфные характеристики – он предстает как Ворон или Койот в индейском фольклоре и как Паук (тетушка Нанси), Братец Кролик и глупый зверь у афроамериканцев. Позднее к ним присоединяется человек. У индейцев – это вождь, нарушающий все возможные табу и дискредитирующий себя на всю оставшуюся жизнь; у афроамериканцев – это просто глупец и простофиля, который впоследствии в историях городского гетто принимает облик криминального и агрессивного элемента. Продолжая мысль Р. Абрахамса, добавим, что в таком обличье трикстер входит и в дискурс рэпа и хип-хопа и мало кто из «белой» аудитории осознает, что это бывшие пушистый Братец Кролик или Обезьяна-обманщик (*Signifyin' Monkey*). Интересно, что в африканском фольклоре все происходило с точностью до наоборот – сначала был бог-посредник Езу, носитель антропоморфных черт, который объединял двойственную природу обмана и простоты, а затем животные, одно из которых олицетворяло хитрость, а другое – легкоеверие, глупость, недалекость. Возвращаясь к исследованию Р. Абрахамса, можно отметить, что трикстер – это существо с множеством человеческих черт,

которое не имеет главного, а именно, способности налагать узду на свои желания и вести себя как подобает члену того или иного социального коллектива. Этот регрессивный инфантилизм проявляется в том, что перед нами предстает маленькое или приниженное в силу социальных условий существо, которое окружено чем-то большим (природой или обществами) и вступает в конфликт с этими мощными силами. Но если у индейцев ведущим остается негативный элемент нарушения табу, то у афроамериканцев это превращается в еще один активный способ психологической самореабилитации, самоутверждения. Это приводит к тому, что социально отвергаемые черты трансформируются в криминальные черты, достойные восхищения, поскольку обман и кража направлены против давнего обидчика (Братца Лиса, воплощающего «белого» американца, самого «белого» человека, хозяина и т.д.). Так, роль неудачника постепенно исчезает и на первый план у афроамериканцев выходит ловкач.

Кратко суммируем те элементы, которые лежат в основе создания трикстера, его назначения в дискурсе. Р. Абрахамс отмечает, что «действия [трикстера] дерзкие, бунтарские, эгоистичные, в их основе всегда лежит мысль о первенстве личной свободы, проявленной действием, по отношению к социальным запретам, которые всегда вторичны... Он [трикстер] не обладает ни моральными, ни социальными ценностями и идет на поводу своих страстей и appetitov... Как враг любых ограничений, он воплощает ту беззаконную, анархичную часть нас самих, которая существует даже в самых законопослушных членах общества» [Abrahams 1980: 195-198]. Именно последнее обстоятельство, по мысли Р. Абрахамса, и вызывает восторг и восхищение слушателей. В то же время, трикстер показывает в гипертрофированном виде, насколько неприглядны такие поступки, насколько они противоречат тем неписанным правилам, которые обуславливали относительно безопасное существование диаспоры, насколько он сам смешон в своей дерзости. Трикстер призван воплотить безобидный способ нарушения табу **без реальной угрозы обществу и порядку**. Т.е., с точки зрения афроамериканского фольклора, герой – это либо ловкач, либо существо, способное образумить, с точки зрения афроамериканской публицистики и литературы и с точки зрения дискурса афроамериканской проповеди, герой – это человек, способный наложить узду и на свои желания, и на желания других.

Вместе с исчезновением образа традиционного героя исчезает и образ прекрасной дамы, ждущей избавления. Весь ход афроамериканской истории был таков, что образ прекрасной дамы и не мог сложиться ни в фольклоре, ни в публицистике, ни в литературе. Одна из самых ярких цитат, которая может проиллюстрировать огромную разницу в судьбе и роли

белой американки и афроамериканской женщины, принадлежит М. Анджелоу. Она пишет: «*You let down, from arched / Windows, / Over hand-cut stones of your / Cathedrals, seas of golden hair. / While I, pulled by dusty braids, / Left furrows in the / Sands of African beaches*» «Ты спускала вниз из оконных арок по обтесанным вручную камням своих соборов моря золотых волос. Мною же бороздили пески африканских пляжей, когда тянули меня за пыльные косы» [Angelou 1994: 210]. Героиня в афроамериканской литературе – это женщина, много повидавшая и испытавшая. Даже если это ребенок, то такой, которому выпала нелегкая доля. Этот удел принимается как должное, без жалоб и слез, как **часть пути к Богу**. Это женщина, которая по силе духа и физической выносливости не уступает мужчине. Часто ее герой мертв, она идет по жизни одна, помня о нем. В афроамериканских литературных произведениях, проверенных временем, нашедших отклик, а не написанных по заказу издательства в полном соответствии с «белым» аналогом, нет места счастливой романтической истории избавления. Конечно, есть тема любви и супружества, но на первый план она не выходит и, как правило, окрашена в трагичные тона.

Именно это мы и наблюдаем в дискурсе Б. Обамы: изменение образа героя и героини. Они больше не влюбленная пара, не потенциальные супруги, что было справедливо отмечено Ф. Феррари применительно к дискурсу Дж. Буша, мл. У Б. Обамы герой и героиня в полном соответствии с образами афроамериканской литературы и проповеди – это путники, равноправные члены общины, то, что в афроамериканской культуре называется *Brother* и *Sister*. Кстати, и сами слова *Brother* и *Sister* – не редкость в устах действующего президента США при обращении к гражданам своей страны.

Теперь давайте посмотрим, что еще объединяет афроамериканский дискурс разных типов, в том числе и религиозный, и дискурс Б. Обамы. Таких точек соприкосновения несколько. Одна из них – это сама **структура публичного обращения**. Американский антрополог П. Джонс-Джексон на материале записей Южно-Каролинских афроамериканских проповедей выявила такую структурную цепочку: **формальное начало – прелюдия с выражением смирения – благодарственная часть – обращение к аудитории – заключительная часть с элементами намека на бренность нашего бытия и его непреходящий конец** (formal opening – proem (expression of humility) – thanksgiving – appeals, peroration (including references to the end of life)) [Jones-Jackson 1987: 80–81]. Те же самые элементы описывает и У. Питт на материале афроамериканских проповедей Техаса и Теннесси. Записи проповедей были сделаны в 1920-х, 1930-х и 1990-х гг. [Pitt 1993]. Точно такую же структуру можно легко найти у Б. Обамы. Конечно, она проявляется в

смягченном виде, и благодарственная часть может предшествовать прелюдии с выражением смирения, но, в общем и целом, структуры очень похожи. Кстати, возможность взаимной замены прелюдии и благодарности в афроамериканской проповеди отмечается и у очень известного креолиста Дж. Рикфорда [Rickford, Rickford 2000: 45].

Формальное начало, как правило, очень краткое и в проповеди, и у Б. Обамы. Оно включает приветствие и предложение занять свои места. Само обращение меняется в зависимости от цели и темы выступления, но всегда занимает четвертую позицию. Мы приведем примеры прелюдии, благодарственной части и заключения как наиболее кратких частей.

В афроамериканской проповеди:

Let us praise God. / We thank Thee, our Heavenly Father, early this morning. / For waking up us, Oh Heavenly father, clothed in our right mind.

Давайте воздадим хвалу Господу. / Мы благодарим Тебя, наш Небесный Отец, этим ранним утром / За то, что пробудил нас, о Небесный Отец, в облачении здравого ума.

Фрагмент другой проповеди:

Let us praise God. / De day is past an gone. / An de evening shall appear. / Oh, may we all remember well / When de night of death draw nigh. / We-we'll lay our garment by / And upon our bed to res. / And soon, death will corrode us all, / An what we have possessed. / Dis day, dis day, our Father, / Here is a few, of your own han made.

Давайте воздадим хвалу Господу. / День позади. / И придет вечер. / О пусть все мы хорошо помним, / Когда приблизится ночь смерти. / Мы сложим наш наряд / И взойдем на ложе. / И вскоре смерть обратит в прах и нас / И все, что мы имеем. / В этот день, в этот день, Отче наш, / Пред Тобой твои создания.

Заключение:

Make dem [sinners] know, our Father, / Dat you can defen, / An you will destroy. / An our Father, / Make dem know, our Father, / Dat when you thunder in de eas, / No man can thunder in the west / After you.

Дай этим грешникам понять, Отче наш, / Что Ты можешь защитить / и Ты можешь уничтожить. / И, Отче наш, / Дай им понять, Отче наш, / Что когда Твой гром гремит на востоке, / Никто не смеет греметь на западе. / Только после тебя [Цит. по: Rickford, Rickford 2000: 42–43].

Сравним с фрагментами речей Б. Обамы:

Благодарственная часть:

Thank you! Everybody, please have a set. To Leader Reid, to Steny Hoyer, John Larson, Xavier Becerra, Jim Clyburn, Chris Van Hollen, to an extraordinary leader and extraordinary Speaker of the House, Nancy Pelosi, and to all the members here today, thank you very much for having me. Thanks for having me and thanks for your tireless efforts waged on behalf of health insurance reform in this country.

Спасибо вам! Пожалуйста, все присаживайтесь. Спасибо огромное спикеру Рейду, Стени Хойеру, Джону Ларсону, Ксавье Бесерре, Джиму Кли-

берну, Крису Ван Холлену, замечательному политику и выдающемуся спикеру палаты представителей Нэнси Пелози, всем членам палаты, присутствующим здесь сегодня. Спасибо огромное за то, что принимаете меня. Спасибо за то, что принимаете меня и спасибо за ваши неустанные усилия, направленные на проведение в нашей стране реформы медицинского страхования.

Сразу же за ней следует прелюдия с выражением смирения:

I have the great pleasure of having a really nice library at the White House. And I was tooling through some of the writings of some previous Presidents and I came upon this quote by Abraham Lincoln: "I am not bound to win, but I'm bound to be true. I'm not bound to succeed, but I'm bound to live up to what light I have."

Я очень рад тому, что в Белом доме действительно замечательная библиотека. И я изучал некоторые из трудов предыдущих президентов, и я наткнулся на изречение Авраама Линкольна: «Я не обязан победить, но я обязан быть верным. Я не обязан преуспеть, но я обязан быть достойным того света, что дарован мне».

И, наконец, заключение:

Every single one of you have [по правилам должно быть has – Е.Ш.] made that promise not just to your constituents but to yourself. And this is the time to make true on that promise. We are not bound to win, but we are bound to be true. We are not bound to succeed, but we are bound to let whatever light we have shine. We have been debating health care for decades. It has now been debated for a year. It is in your hands. It is time to pass health care reform for America, and I am confident that you are going to do it tomorrow.

Каждый из вас должен пообещать не только своим избирателям, но самому себе. И самое время сдержать это обещание. Мы не обязаны победить, но мы обязаны быть верными. Мы не обязаны преуспеть, но мы обязаны отдать весь тот свет, что сияет в нас. Мы десятилетиями обсуждали реформу системы здравоохранения. И сейчас мы обсуждаем это уже год. Реформа в ваших руках. Пришло время начать реформу системы здравоохранения во имя Америки, и я уверен, что завтра вы это сделаете.

Кстати, обратим внимание на очень некрасивую с точки зрения стандартного английского оговорку «Every single one of you have». Это не просто случайная ошибка. В устах такого опытного оратора, как Б. Обама она становится еще одним приемом, о котором мы поговорим немного позже (см. ниже **struttin'**).

Другая речь. *I love you! I don't know if some of you remember, but I visited this university about three years ago for the first time. This was at just the dawn of my presidential campaign. It was about three weeks old, I think. We didn't have a lot of money. We didn't have a lot of staff. Nobody could pronounce my name. Our poll numbers were quite low. And a lot of people – a lot of people in Washington, they didn't think it was even worth us trying.*

Я люблю вас! Я не знаю, помнит ли кто-нибудь из вас, как я впервые приехал в этот университет

три года назад. Это было на заре моей президентской кампании. По-моему, ей было всего три недели от роду. У нас не было денег. У нас не было большого штата сотрудников. Никто не мог произнести мое имя. Наш рейтинг был весьма низок. И многие, многие в Вашингтоне, они даже и не думали, что нам стоит попытаться.

Еще один пример:

As any American who is still looking for work or a way to pay their bills will tell you, we are by no means out of the woods. A full and vibrant recovery is still many months away. I want to thank the members of this body for your efforts and your support in these last several months, and especially those who've taken the difficult votes that have put us on a path to recovery. I also want to thank the American people for their patience and resolve during this trying time for our nation.

Как вам скажет любой американец, который все еще ищет работу или способ заплатить по счетам, ни в коем случае нельзя думать, что трудности позади. Пройдут долгие месяцы, прежде чем наступит полное и настоящее выздоровление. Я хочу поблагодарить членов этого собрания за ваши усилия и вашу поддержку в течение этих последних месяцев, и особенно тех, кто принимал участие в официальном голосовании, что привело нас на путь выздоровления. Я также хочу поблагодарить американский народ за его терпение и решительность в эти трудные для нашей нации времена.

Обращение к членам ООН:

*Good morning. Mr. President, Mr. Secretary General, fellow delegates, ladies and gentlemen, it is my honor to address you for the first time as the 44th President of the United States. [I] come before you **humbled** by the responsibility that the American people have placed upon me, mindful of the enormous challenges of our moment in history, and determined to act boldly and collectively on behalf of justice and prosperity at home and abroad [выделено мной. – Е.Ш.].*

Доброе утро, господин Президент, господин Генеральный Секретарь, господа делегаты, господа, мне выпала честь впервые обратиться к вам в качестве сорок четвертого президента США. Я стою перед вами, **со смирением** приняв ту ответственность, которую возложил на меня американский народ, осознавая тот вызов, который брошен временем и нашим местом в истории. Я настроен действовать решительно и с учетом мнения большинства во имя справедливости и процветания у нас дома и за рубежом.

Самое начало обращения к американским военным:

*Secretary Gates, Admiral Mullen and members of the Armed Forces, fellow Americans, family and friends of those that we lost this day: Michelle and I are deeply **humbled** to be with you [выделено мной. – Е.Ш.].*

Секретарь Гейтс, адмирал Мюллен и представители вооруженных сил, соотечественники, члены семей и друзья тех, кого мы сегодня потеряли. Мишель и я с **глубоким смирением** сегодня с вами.

Одна из концовок:

For in the end, Yvonne's dream is a dream shared by all Americans. It's the founding promise of our na-

tion: *That we can make of our lives what we will; that all things are possible for all people; and that here in America, our best days lie ahead. I believe that. I truly believe if I do my part, and you, the American people, do yours, then we will emerge from this crisis a stronger nation, and pass the dream of our founding on to posterity, ever safer than before.*

В конце концов, мечта Ивонны – это мечта всех американцев. Это основной завет нашей нации. Завет, что мы можем превратить нашу жизнь в то, что мы хотим, что все возможно для всех, и что здесь в Америке наши лучшие дни еще впереди. Я верю в это. Я искренне верю, что если я выполняю свой долг и вы, граждане США, выполните свой, мы восстанем из кризиса более сильной нацией, чем мы были, и передадим потомкам нашу главную мечту, чтобы они могли ее беречь еще лучше, чем мы и наши предки.

Другой пример концовки:

That's what we can and must do now, not just to overcome this crisis, but to leave something better behind, to lay a foundation on which our children and our grandchildren can prosper and take responsibility for their future.

Это то, что мы можем и должны сейчас сделать, не просто преодолеть кризис, а оставить после себя что-то лучшее, [чем то, что мы унаследовали,] заложить основу будущего благополучия наших детей и внуков, основу, которая поможет им принять ответственность за свое будущее.

Или такое заключение:

Through tragedy and heartache, that's the spirit that has sustained this community, and this country, for over 200 years. And as we pray for the souls of those we've lost, and the safe return of those who are missing, we are also sustained by the words of the Psalm that are particularly poignant right now. Those words read: "You, O Lord, keep my lamp burning; my God turns my darkness into light."

Через трагедии и боль сердца, [мы обрели] тот дух, который поддерживает это общество и эту страну более 200 лет. И сейчас, когда мы молимся за души тех, кого мы потеряли, и за благополучное возвращение тех, кто пропал без вести, нас также поддерживают слова одного из псалмов, что звучат сейчас особенно горько. Это слова: «Ты, о Господи, поддерживаешь огонь в моей лампаде, мой Бог обращает мою тьму в свет».

Любимые заключительные фразы Б. Обамы:

May God bless you and comfort you. Да благословит и утешит вас Господь. And may God bless the United States of America. Да благословит Господь Соединенные Штаты Америки.

Или такая:

God bless you, and God bless the United States of America. Господи, благослови вас, Господи, благослови Соединенные Штаты Америки.

Другая особенность, присущая и афроамериканской устной традиции, и дискурсу Б. Обамы – это постоянный (по возможности) **обмен репликами во время общения**. Подобный вид коммуникации был впервые описан Б. Малиновским и назван **«фатической» коммуника-**

цией. Ее цель – установление и поддержание контакта [Malinowski 1961]. В ряде американских исследований этот вид коммуникации называется «вопросно-ответным» (*Call-Response*) [Crawford 1995: 74–79; Smitherman 1998: 208; Wilcots 2000]. Такой способ обмена информацией настолько широко используется Негритянской Церковью, что стал одним из ее непреходящих обрядов, свято соблюдаемых во время службы и пришедших на смену обычной проповеди. Реплики, выраженные вербально, принято усиливать с помощью невербальных средств коммуникации, в частности, таких, как *givin' five* и *high five*, т.е. невербальных способов выражения своего согласия посредством соприкосновения рук говорящих. Единственно неверный вид поведения как речевого, так и неречевого – это использование эмоционально-нейтрального стиля, не проявление своих чувств, нежелание или неспособность выразить собственное отношение к сообщаемой информации. Конечно, Б. Обама применяет модифицированный вариант такой коммуникации, но его речь очень напоминает то, как обращается к своей пастве проповедник-афроамериканец. Один из примеров такого обращения приведен в исследовании Дж. Рикфорда [Rickford, Rickford 2000: 45]:

Do you know any Jacobs? Sleeping with a woman that he does not love. Having sex with a woman that he does not love. And Dr. Weems reminded us on Monday night one ain't got nothing to do with the other. You missed that: Having sex with a woman ain't got nothing to do with loving a woman.

Вы знаете таких Иакобов? Тех, что спят с женщинами, не любя их. Занимаясь сексом с женщинами, которых они не любят. А Отец Уимс напоминал нам в понедельник вечером, что любовь и секс совершенно разные вещи. Вы прослушали. Спать с женщиной и любить ее совсем не одно и то же.

Так обращается не кто иной, как преподобный Джереми Райт – человек, про которого Б. Обама говорит:

«The man I met more than twenty years ago is a man who helped introduce me to my Christian faith, a man who spoke to me about our obligations to love one another, to care for the sick and lift up the poor.... As imperfect as he may be, he has been like family to me. I can no more disown him than I can disown the black community. ... These people are part of me. And they are part of America, this country that I love».

«Этот человек, которого я встретил более 20 лет назад, стал тем, кто приобщил меня к христианской вере, тем, кто говорил мне о нашей [святой] обязанности любить друг друга, заботиться о немощных и помогать немощным... Каким бы несовершеннолетним он ни был, он был для меня как семья. Я не могу отречься от него так же, как я не могу отречься от 'черной' общины. Такие люди – часть меня самого. И они – часть Америки, той страны, которую я люблю».

Каждая из фраз обращения, приведенного выше, требует от присутствующих ответа. Это

может быть «Yessir», «All right! Amen!», «Preach it!», «Lord have mercy!» или «Go 'head, brother, go 'head! Yessuh! Talk to the people, Brother Minister!». Афроамериканский проповедник не постесняется напомнить пастве о необходимости ответа («Кто-то должен сказать 'аминь!'») или поинтересоваться «Я не очень вам надоел?!», «Сколько у меня еще времени?». Единственно правильная реакция паствы – это послушное «Аминь» или «Нет, сэр, нет!» и «Говори, Брат, говори, мы не торопимся». Кроме этого, пастор довольно часто вводит фразы «Слушайте внимательно!», «А сейчас, внимание!», «Прислушайтесь к моим словам!» и т.д. Те же самые приемы легко обнаружить в речах Б. Обамы. Конечно, он не говорит «А сейчас скажем 'аминь!'», но фразы «Я не очень вам надоел?!», «Сколько у меня еще времени?», «Ребята, я все еще здесь!» или «Ничего, что я здесь?» так же, как фразы привлечения внимания встречаются в его речах гораздо чаще, чем у «белых» политиков. Кроме этого, у Б. Обамы есть очень интересный прием, согласующийся с «вопросно-ответной» коммуникацией. Президент сам выступает и в роли проповедника, и в роли паствы, разыгрывает своеобразный спектакль, имитирующий церковную службу. Например, он говорит о том, что в трудные для всей Америки времена кризиса ему пришло видеообращение детей. Б. Обама напрямую цитирует строки этого обращения и заканчивает фразой девочки «Кто-нибудь слышит нас?». Т.е. это имитация обращения проповедника. Далее сам Б. Обама подхватывает так, как должна это сделать паства: «Мы слышим, слышим! Делаем все, что в наших силах!». И снова смена роли. Теперь Б. Обама – сам проповедник: «Но ваша задача учиться и оставаться в системе образования как можно дольше. Не бросайте свою учебу! Я призываю вас». После этого так и хочется сказать «Yessir! Amen!»

Следующая особенность речи афроамериканских проповедников, близко примыкающая к предыдущей, – это т.н. *struttin'*. Изначально *struttin'* означало особую манеру движения проповедника, его перемещение по церкви. Сейчас к этому значению добавилось и «**умение легко переходить на разные стилистические регистры** и с 'белого' английского на афроамериканский и обратно». Если вновь обратиться к фрагменту проповеди Дж. Райта (см. выше), мы найдем там конструкцию *one ain't got nothing to do*, которая совершенно нарушает правила стандартного английского, зато хорошо согласуется с моделями территориальных диалектов и афроамериканского английского. Не надо думать, что Дж. Райт не владеет нормой – он прекрасный оратор и преподаватель риторики лучших вузов США. Это не что иное, как *struttin'*, цель которого – слияние со своей аудиторией. «Для всех афроамериканских церквей действует одно и то же правило: священник, который говорит исключительно на стандарте без каких-

либо мотивов, ритмов и движений, характерных для афроамериканской церковной традиции, серьезно рискует показаться отстраненным и, как следствие, высокомерным. Это неизбежно приведет к тому, что большая часть его слушателей потеряет к нему всякий интерес» [Rickford, Rickford 2000: 56].

Приведем продолжение проповеди Дж. Райта, построенной на библейских персонажах Иакове, Лии и Рахили [Genesis 29: 16-35, 30: 1-22], где есть яркий образец *struttin'*. Сначала священник соблюдает торжественный стиль и применяет исключительно правильный, библейский английский. Потом следует такая речь:

And on the third baby, she said, "This time I got him. He can't go nowhere. Now he is joined to me. He's mine." Y'all know Leah, don't you? [Congregation: "Yes!"]... Leah conceived again and bore a son and said, "This time – I made a mistake once. I was too blind to see the second time. And I was a fool for you, baby, on the third time. But this time, I finally woke up. This time, I see my mistake. This time, I ain't falling for it, babycakes. This time, me and the Lord got this thing going on."

А родив третьего, она сказала: «На этот раз я его поймала. Никудашеньки он теперь не денется. Теперь он связан со мной. Он мой». Вы все знаете Лию, ведь знаете?! [Прихожане: «Да!»] Лия зачала снова, и родила сына, и сказала: «Сейчас! Я ошиблась в первый раз. Я была слепа и не увидела правду во второй раз. И я была полной дурой, любя тебя, мальши, в третий раз. Но на этот раз я, наконец, проснулась. На этот раз я вижу свою ошибку. На этот раз хрен ты меня проведешь. На этот раз я и Господь, наконец, справимся». [Цит. по: Rickford, Rickford 2000: 52–53].

Довольно трудно представить себе такую проповедь в любом из «белых» приходо-в. Далее священник вводит две конструкции, крайне сниженные в стилистическом плане, которые можно услышать на улице, из уст рок-исполнителя или ди-джея, но которые в «белой» традиции еще больше нарушают сакральность церковного обряда. Это «*C'mon baby, we gon tear the roof off the sucka tonight*» и «*You got to give it up, tonight*». Обе относятся к сфере половых отношений и совершенно недопустимы в проповеди «белого» священника. А для афроамериканца – это вполне нормальное явление под названием *struttin'*.

Тот же самый прием смешения сакрального и бытового легко находим в обращениях Б. Обамы. У него он принимает форму параллельного развития линии общих моральных ценностей, социальных норм и линии постоянного обращения к самым простым бытовым ситуациям, в которые попадает большинство американцев, и к самым простым способам поведения в таких ситуациях. Б. Обама не стесняется напрямую процитировать сказанное тем или иным американцем, и очень часто эти прямые слова отличаются от нормированного ан-

лийского, нарушают правила. Те неправильно-сти и грубости, которые в отличие от Дж. Райта не может себе позволить президент США в своей собственной речи, он успешно заменяет прямым цитированием, называя имя автора тех или иных грубоватых слов. Кстати, и Дж. Райт тоже делает вид, что цитирует кого-то из библейских персонажей.

Следующий прием – это т.н. *testifyin'*, которое в афроамериканской традиции означает «свидетельствовать о милости Господней». Этот прием в церкви проявляется в обращениях простых прихожан к другим членам прихода. Такие обращения следуют сразу после окончания официальной службы и часто отличаются повышенной экспрессивностью. Обычно это рассказы о том, как была тяжела жизнь того или иного прихожанина и как она изменилась, когда Бог явил свою милость [см., например, Smitherman 2001]. У Б. Обамы этот прием принимает форму зачитывания (или воспроизведения) писем простых американцев. Кажется, что на трибуне не американский президент, а один из граждан США, который повествует о том, как изменилась (или изменится) к лучшему его жизнь с принятием правительством тех или иных мер. Все эти приемы усиливают модель «я (Б. Обама) – член общины, один из вас».

Другой прием, на который следует обратить внимание, – это т.н. искусство *signifyin'* (*signifying*), которое связано с афроамериканской устной традицией и требует специальных пояснений. Попробуем разобраться, что же это такое. М. Меззроу, известный джазовый музыкант, в глоссарии своей автобиографии пишет о *signifying* как «искусстве намека, хвастовства, жеста». Для него *signifying* – языковая игра, имеющая целью передачу скрытого смысла посредством самых безобидных выражений, причем сюда же включается язык жестов и мимики. Неважно, что сказано, но важно, как сказано. Если вы не умеете читать язык жестов, мимики и интонаций, то рискуете попасть впросак подобно Льву, обманутому Обезьяной [Mezzrow, Wolfe 1946: 378, 230]. Если опираться на теорию Р. Абрахамса и его великолепное исследование *signifying* [Abrahams 1962; 1970], то основными положениями его определений можно считать следующие:

1. *signifying* очень многозначно;
2. это понятие «черной» культуры и «черный» риторический прием;
3. одно из значений «умение говорить с помощью косвенных намеков»;
4. может значить «придираться, недоброжелательно критиковать, лстить, приукрашивать рассказ, сочинять небылицы»;
5. может значить «умение ходить вокруг да около, не затрагивая напрямую основной идеи»;
6. может значить «высмеивание человека или ситуации»;

7. может значить «говорить с помощью невербальных средств»;

8. это язык двусмыслиц, «передача прямого значения посредством косвенных»;

9. при межрасовом общении служит маскирующей формой поведения.

Есть ряд и других определений [Foster 1974: 203-210; Mitchell-Kernan 1973: 310-328; Gates 1988: 67-86; Smitherman 1994: 206]. Изначально этот прием был связан с таким персонажем, как бог-посредник Езу. Этот персонаж не только сохраняется до сих пор в культурах Нигерии и Бенина, но и благополучно пережил бурный переезд в Бразилию, Кубу, на Гаити, Карибские острова и в США. В Нигерии он носит имя Езу-Элегбара, в Бенине – Легба, Эксу в Бразилии, Ечу-Элегуа на Кубе, Папа Легба на Гаити, а колдуны США, знающие магию Худу, призывают его под именем Папа Ла Баса. В каждой версии Езу относится к богам-посредникам, он передает повеления богов человеку и просьбы людей – богам. Он мастерски владеет стилем, охраняет перекрестки, стоит на пороге того, что разделяет богов и человека. Он – связующее звено между правдой и ее пониманием, божественным и мирским, текстом и его интерпретацией. Он связывает воедино грамматику богов с риторикой людей. В мифологии йоруба Езу – хромой, одна нога у него длиннее другой. Это не что иное, как символ его функции посредника: одной ногой он стоит в пантеоне богов, а другой – в нашем мире.

В работах, посвященных Езу [Bascom 1969; Herskovits 1967; Idowu 1962; Pelton 1980; Thompson 1971], ему приписываются такие качества, как индивидуальность и неопределимость, предательство и верность, склонность к сатире, пародии, иронии, сексуальность, двойственность физического плана и душевных качеств. У него два рта, поэтому и речь его двусмысленна. Он выполняет роль литературного критика, растолковывая людям речи оракула Ифы [Оля 1976: 33–34; Governar 2000: 524-527], который несет Слово Божье. В Западной традиции ближе всего к нему стоит Гермес, также несший людям Знание. В ряде мифов образ Езу сливается с образом обезьяны. Так, Л. Кабрера пишет: «Езу-Элегбара появляется в сопровождении Обезьяны, и они истолковывают волю богов с помощью орехов пальмы, растущей в садах Оругана (бога Солнца)» [Цит. по: Gates 1988: 15]. Кроме того, Езу-Элегбара отличается очень маленьким ростом, черным цветом и длинным хвостом, его большие глаза горят, как угли, и пристально вглядываются в мир. По одной из легенд, он без ведома высшего бога породил всех обезьян [Herskovits 1967: 151-152; 193-194]. Г. Гейтс обращает внимание также на графическую схожесть слов *guije* (синоним Езу) и *jigue*, используемое в поэзии со значением «обезьяна» [Gates 1988: 17]. Афроамериканская диаспора дает этому образу еще одно название – *Signifying Monkey*. Изначально, исходя

из той роли, которую она выполняет в фольклоре, это Обезьяна-Оракул. Позднее она выступает в роли злой насмешницы и обманщицы. Ее неперменной жертвой становится лев, которого она стравливает со слоном [Botkin 1944: 652-675; Dance 1978: 247-262; Gershoni 1997: 139-142; Governar 2000: 419-427]. *Signifying Monkey* существует не просто как персонаж, а скорее как троп, передающий множество дополнительных смыслов – иногда это скрытое сравнение, иногда этот образ больше напоминает метафору или аллегорию. Подобно двуротому Езу, породившему ее, Обезьяна пользуется языковыми перевертышами, вкладывая новый смысл в привычные выражения. Как и повелитель перекрестков Езу, она появляется на перекрестке двух языков и, смеясь, перемешивает значения слов, давая миру новое Знание. Кстати, чтобы получить это знание и обрести мудрость, Обезьяне пришлось принести в жертву свою жизнь – не удержавшись на дереве, она упала в Воды Знания, и стала его истолкователем, приплывая к тем, кто ее ждет.

В афроамериканской литературной традиции и искусстве проповеди прием *signifyin'* часто связан с умением вплетать в свою речь намеки (если пользоваться традиционным термином, аллюзии), напоминающие о творчестве других афроамериканцев или своем собственном. Так возникает единство дискурса. С одной стороны, это напоминает то, что принято описывать как интертекстуальность, с другой стороны, есть и ряд этнических особенностей. У Б. Обамы это принимает форму ссылок и намеков на дискурс других американских президентов, на их опыт и устремления – с одной стороны, и на свои собственные более ранние обращения – с другой. В то же время Б. Обама выступает в роли истолкователя воли других президентов США. В результате, возникает эффект полной преемственности и оправданности действий сегодняшнего президента с учетом уже пройденного пути с точки зрения логики и эффект единого речевого пространства с точки зрения риторики. Приведем два крохотных фрагмента, которые лишь отчасти иллюстрируют этот прием.

I know there's some who believe we can only handle one challenge at a time. And they forget that Lincoln helped lay down the transcontinental railroad and passed the Homestead Act and created the National Academy of Sciences in the midst of civil war. Likewise, President Roosevelt didn't have the luxury of choosing between ending a depression and fighting a war; he had to do both. President Kennedy didn't have the luxury of choosing between civil rights and sending us to the moon. And we don't have the luxury of choosing between getting our economy moving now and rebuilding it over the long term.

Я знаю, есть те, кто думает, что каждый раз мы можем справляться только с одной назревшей проблемой. Они забывают, что Линкольн способствовал основанию трансконтинентальной железной

дороги, и издал закон о гомстедах (см. ниже – Е.Ш.), и создал Национальную академию наук прямо в разгар Гражданской войны. Точно так же у президента Рузвельта не было такой роскоши, как выбор: закончить ли ему депрессию или вести войну. Он был вынужден делать и то и другое. У президента Кеннеди не было такой роскоши, как выбор: гражданские права или полет на Луну. И у нас нет такой роскоши, как выбор: движение нашей экономики сейчас или ее долговременное переустройство.

(Закон о гомстедах – подписан 20 мая 1862 г. в период Гражданской войны. Предусматривал право граждан США на безвозмездное получение земельного надела (гомстеда) размером до 160 акров (около 65 га). По истечении пяти лет надел при условии его обработки переходил в собственность поселенца [Американа 1996: 425].)

Teddy Roosevelt, Republican, was the first to advocate that everybody get health care in this country. Every decade since, we've had Presidents, Republicans and Democrats, from Harry Truman to Richard Nixon to JFK to Lyndon Johnson to – every single President has said we need to fix this system.

Тедди Рузвельт, республиканец, был первым, кто отстаивал право каждого на получение медицинского обслуживания в нашей стране. С той поры каждое десятилетие наши президенты, республиканцы и демократы, начиная с Гарри Трумэна и продолжая Ричардом Никсоном, Джоном Кеннеди, Линдоном Джонсоном и так далее, отмечают, что нам нужно исправить эту систему.

(Ср. выше цитата из А. Линкольна).

Еще два приема, столь характерные для афроамериканской проповеди и литературы – это **аллитерация и параллелизм частей**. Они отличают и дискурс Б. Обамы:

Today, after almost a century of trying –

Today, after over a year of debate –

Today, after all the votes have been tallied, health insurance reform becomes law in the United States of America – today.

(Ср. выше «But let me tell you – during those times it's faith that keeps me calm, etc.»).

Вернемся к статье Ф. Феррари, с которой мы начали, и отметим, что и наш материал подтверждает то, что, несмотря на изменение ведущих образных линий в дискурсе действующего президента США, гендерные категории не исчезают. Они трансформируются, находят другое воплощение, но продолжают присутствовать. Они не могут исчезнуть из любого дискурса, как не могут исчезнуть женское и мужское начала. Другое дело, кого защищают, кто становится защитником и каким.

Второй момент, которое выявило наше исследование, это уход на задний план фрейма внешнего конфликта, столкновения с внешней угрозой. В качестве угрозы выступает положение внутренних дел в США. Оппозиция «Мы как внутреннее пространство ДОБРА, к которому должны примкнуть все остальные страны – ОНИ как внешнее пространство ЗЛА, отсутствия демократии, от которого нужно отойти и с

которым нужно бороться», характерная для дискурса Дж. Буша, мл. меняется у Б. Обамы на модель «Мы – часть планеты Земля».

Третий вывод. Действующий президент не выводит на первый план образную линию «я – герой, спаситель». Она заменяется линией «я – член общины, путник, человек, облегчающий тяготы пути». Модель «я – герой, спаситель, защитник от внешней угрозы» трансформируется в модель «я – боец, сражающийся с внутренними проблемами». Это обусловлено разным пониманием роли героя и героини в «белом» и «черном» культурном пространстве.

Четвертый вывод. Приемы дискурса публичных обращений Б. Обамы обусловлены влиянием приемов, присущих практике проведения афроамериканских религиозных служб и наблюдаемых в других разновидностях афроамериканского дискурса, в частности политического и художественного. Безусловно, эти приемы и образы издавна известны и в других культурах и не могут считаться исключительно частью «черного» начала. Тем не менее их совокупность дает нам образец дискурса, настолько отличный от «белого» политического обращения, насколько сам Б. Обама внешне отличается от Дж. Буша.

ЛИТЕРАТУРА

- Американа: Англо-русский лингвострановедческий словарь. – Смоленск: Полиграмма, 1996.
- Оля Б. Боги тропической Африки. – М.: Наука, 1976.
- Шустрова Е.В. Афроамериканский английский: лексика и текст. – М.: Флинта: Наука, 2007.
- Википедия – Свободная энциклопедия [сайт]. – [2009] – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.
- Феррари Ф. Гендер и отождествление в политическом дискурсе: американская женщина как категория анализа // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2010. Вып. 1(31). С. 39-54.
- Abrahams R.D. (ed.) Deep Down in the Jungle: negro narrative folklore from the streets of Philadelphia. – Chicago: Aldine Publishing, 1970.
- Abrahams R.D. The Changing Concept of the Negro Hero // The Golden Log. – Dallas: Southern Methodist University Press, 1962. P. 119-34.
- Abrahams R.D. Trickster, the Outrageous Hero // American Folklore. – N. Y.: Voice of America Forum Series, 1980. P. 193-201.
- American Rhetoric: Barack Obama Speeches. Complete Transcripts, Audio, Video [сайт]. – [2010] – URL: <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>.
- Angelou M. The Complete Collected Poems of Maya Angelou. – N. Y.: Random House, 1994.
- Aptheker H. American Negro Slave Revolts. – N. Y.: International Publishers, 1943.
- Baldwin J. The Fire Next Time. – N. Y.: Dial Press, 1963.
- Bascom W. Ifa Divination: communication between gods and men in West Africa. – Bloomington: Indiana University Press, 1969.
- Blassingame J.W. Black New Orleans, 1860-1880. – Chicago: University of Chicago Press, 1973.
- Blassingame J.W. The Slave Community. Plantation Life in the Antebellum South. – N. Y. & Oxford: Oxford University Press, 1979.
- Botkin B.A. Lay My Burden Down: A Folk History of Slavery. – Chicago: Aldine Publishing, 1944. P. 652-675.
- Complete Text Transcripts of Over 100 Barack Obama Speeches [сайт]. – [2010] – URL: <http://www.obamaspeech.com>.
- Crawford E.E. The hum: call and response in African American preaching. – Nashville: Abingdon Press, 1995.
- Dance D.C. Shuckin' and Jivin': folklore from contemporary Black Americans. – Bloomington: Indiana University Press, 1978.
- Foster H.L. Ribbin', Jivin', and Playin' the Dozens: The Unrecognized Dilemma of Inner City Schools. – Cambridge: Ballinger, 1974. P. 203-210.
- Gates H.L., jr. The Signifying Monkey. The Theory of African-American Literary Criticism. – N. Y. & Oxford: Oxford University Press, 1988.
- Genovese E.D. Roll, Jordan, Roll: the world the slaves made. – Random House, Inc., 1974.
- Gershoni Y. Africans on African-Americans: the creation and uses of an African-American myth. – N. Y.: New York University Press, 1997.
- Govenar A.B. African American frontiers: slave narratives and oral histories. – Santa Barbara, Calif.: ABC-CLIO, 2000.
- Gutman H. The Black Family in Slavery and Freedom 1750-1925. – N. Y.: Pantheon Books, 1976.
- Herskovits M.J. Dahomey, An Ancient West African Kingdom: 2 v. – Evanston: Northwestern University Press, 1967.
- Idowu E.B. Olodumare: god in Yoruba belief. – London: Longman, 1962.
- Jones-Jackson P. When Roots Die: Endangered Traditions on the Sea Islands. – Athens: University of Georgia Press, 1987.
- Kaplan A. Romancing the Empire: The Embodiment of American Masculinity in the Popular Historical Novel of the 1890s // American Literary History. 1990. № 2:4. P. 659-690.
- Malinowski B. The dynamics of culture change; an inquiry into race relations in Africa. – New Haven, Yale University Press, 1961.
- Martin Luther King Memorial Project. – [2010]. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches.htm>.
- Mezzrow M., Wolfe B. Really the Blues. – Garden City, N. Y.: Doubleday, 1946. – 348 p.
- Mitchell-Kernan C. Signifying as a Form of Verbal Art // Mother Wit from the Laughing Barrel: Readings in the Interpretation of Afro-American Folklore. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1973. P. 310-328.
- Nash G.B., Shelton C.J. The Private Side of American History. Reading in Everyday Life: 2 v. – N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich Publishers, 1987.
- Pelton R.D. The Trickster in West Africa: a study of mythic irony and sacred delight. – Berkeley: University of California Press, 1980.
- Pitt W. Old Ship of Zion: The Afro-Baptist Ritual in the African Diaspora. – N. Y & Oxford: Oxford University Press, 1993.

Rawick G.P. (ed.) *The American Slave: a composite autobiography: 19 v.* – Westport, CT: Greenwood Press, 1972-1979.

Rickford J.R., Rickford R.J. *Spoken Soul. The Story of Black English.* – U.S.A: John Wiley & Sons, Inc., 2000.

Smitherman G. *Black Talk. Words and Phrases from the Hood to the Amen Corner.* – N. Y.: Houghton Mifflin Company, 1994.

Smitherman G. *Talkin and Testifyin. The Language of Black America.* – Detroit: Wayne State University Press, 2001.

Smitherman G. *Word from the hood: the lexicon of AAVE // African-American English. Structure, history and use.* – London ; N. Y., 1998. P. 203-225.

The Holy Bible. – N. Y.: International Bible Society, 1984.

Thompson R.F. *Black Gods and Kings: Yoruba art in UCLA.* – Bloomington: Indiana University Press, 1971.

Wilcots K.D. *The relationship between racial identity, ethnic identity and African-American acculturation and their contribution to psychological well-being.* – Denton, Tex.: University of North Texas, 2000.

© Шустрова Е.В., 2010